

твоей рукой, читай твоим ртом... И львов обучают и лошадей укрошают,— и только ты! Не знают подобного тебе во всей стране. Заметь это себе!» (стр. 75). Египетское притяжательное местоимение 2-го лица ед. числа мужского рода — *и* лучше передавать русским местоимением «свой», т. е. «Вставай на свое место!» и т. д. Что касается последней фразы, то она в интерпретации М. Э. Матье просто непонятна. Между тем ее легко передать: «И львов обучают и лошадей укрошают, только тебя [нельзя укротить], так как не знают подобного тебе [по нраву] во всей стране».

В начале известного поучения Ахтоя, о котором уже упоминалось, имеется предложение: «Посыпают его [т. е. писца] для исполнения поручения и не возвращается он, чтобы надеть передник» (стр. 81). Следовало указать, что передник — обычное одеяние ремесленников. Тем самым подчеркивалось привилегированное положение писца, который не должен заниматься физическим трудом.

Нам трудно судить о степени точности переводов клинописных текстов, но несомненно, что они не могут служить образцом русского литературного языка, во всех отношениях уступая талантливым переводам В. К. Шилейко. Вот примеры из собственных переводов И. М. Дьяконова: «П е р е д лицо Ут-Напишти:... путь я предпринял, иду поспешно». «Стрекоза над осокой на в с е г д а ли реет, и л и ц о ее видит сияние солнца?», «Я взглянул на о б л и к п о г о ды — страшно глядеть на погоду было», «Те не видят друг друга больше и с небес не узнать ч е л о в е к о в» (стр. 137—138). Не свободна книга и от отдельных стилистических небрежностей, как например: «Более самостоятельно... развивалась история древнего Китая» (стр. 5). Конечно, развивалась не история этой страны, а сама страна. «Летописи походов Тутмоса III... сохранили здания Карнакского храма» (стр. 59). «Она [статуя зодчего Инени.— И. К.] сделана из... песчаника прекрасной работы...» (стр. 62).

Примеры подобного рода, к сожалению, можно умножить.

Техническое оформление книги далеко не на высоте. Многие рисунки, особенно тоновые, воспроизведены очень скверно (стр. 7, 25, 31, 55, 59, 76, 79 и т. д.). Вообще книга в полиграфическом отношении значительно уступает «Книгам для чтения» по истории древнего Рима или по истории средних веков.

Подведем итог. Конечно, и в настоящем виде рецензируемое издание принесет немало пользы школе, особенно учителям, так как содержит обильный и часто свежий материал, в котором они так нуждаются. Отдельные очерки с интересом прочтут и школьники. Но в целом книга для них трудна. В этом повинны некоторые члены авторского коллектива, которые не учли в должной степени, для кого они пишут, какую ответственность при этом несут. При переиздании, а оно, несомненно, скоро потребуется, необходимо книгу пересмотреть и устранить указанные недостатки. Некоторые очерки, в первую очередь А. М. Осипова, следует написать заново. Только тогда книга для чтений в полной мере удовлетворит требованиям, которые вправе предъявить ей советская школа.

И. Кацнельсон

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН, Письма к Аттику, близким, брату Квинту, Марку Бруту, III том. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна, М.—Л., изд. АН СССР, 1951, 826 стр., тираж 4000 экз., цена 34 руб.

Большой труд, предпринятый усердным переводчиком В. О. Горенштейном и Издательством АН СССР, закончен, и притом закончен в сравнительно небольшой срок: I том писем вышел летом 1949 г., III том — осенью 1951 г. Все читатели и почитатели, а также и исследователи античной литературы, особенно те, кто подходит к ней в целях изучения и исторических событий, получили в свое распоряжение огромный, крайне интересный материал, за который они должны выразить переводчику и Издательству свою горячую благодарность.

Впрочем, все ли читатели и почитатели? Нет, безусловно не все; целая тысяча их останется без III тома: два первых тома вышли тиражом в 5000 экземпляров, а третий — в 4000. Между тем, недалеко то время, когда первые два тома можно будет найти только в букинистических магазинах, так как большая часть их тиражей распродана: третий том разойдется еще скорее; те, кто уже приобрели первые томы, едва ли откажутся от приобретения III тома, тем более, что письма, входящие в III том, более органически связаны по содержанию с письмами II тома, чем II том с I томом: ведь II том закончился на половине 46 г. до н. э., т. е. приблизительно на середине периода диктатуры Юлия Цезаря, так что для того, чтобы проследить любой вопрос из времени диктатуры, необходимо пользоваться и II и III томами. Чем же объясняется такое сильное уменьшение тиража?

Письма, входящие в III том, охватывают вторую половину диктатуры Цезаря, смутное время перегруппировки сил от мартовских ид до осени 44 г., время открытого разрыва между сенатом и Антонием и появления на исторической сцене Октаавиана — вплоть до июля 43 г.; от последних шести месяцев жизни Цицерона (он погиб 7 декабря 43 г.) не сохранилось ни одного письма. Причины этого неизвестны. По всей вероятности, дело не обошлось без вмешательства Аттика, следившего за изданием писем; письма последних месяцев могли содержать в себе не столь благоприятные отзывы Цицерона об Октаавиане, как в начале знакомства; тем самым издание их могло компрометировать адресатов, сумевших поладить с новым принципом, в первую очередь самого Аттика, ярого сторонника сенатской группы. Сам он спасся от проскрипций триумвиров только благодаря своей ловкости, богатству и хорошим отношениям с мстительной Фульвией, женой Антония, жертвой ненависти которой пал Цицерон.

С исторической точки зрения все письма, вошедшие в III том, чрезвычайно важны: все мельчайшие события этих лет, все колебания в запутанных отношениях между Цицероном и Антонием, Цицероном и Брутом, Брутом и Антонием, Цицероном и консулами Гиртием и Пансой, а также выдвигающимися военачальниками Мунацием Планком и Поллионом, и, наконец, между Цицероном и тем, кого все они называют «мальчиком», еще не попяв его силы, — все это отражено в письмах с той яркостью и живостью, которая свойственна образу мыслей и языку Цицерона, умевшего всегда закрепить мимолетный образ событий и тем самым дать более важный исторический документ, чем любое историческое сочинение во многих книгах.

Имея в руках все три тома, можно уже произвести обзор всего научного аппарата, которым снабжен перевод писем. В него входят три статьи, помещенные в I томе (акад. И. И. Толстого, проф. С. Ковалева и доц. А. Доватура); на то, что первые две статьи слишком кратки и неспециалисту не дают достаточно сведений о жизни и политическом облике Цицерона, а также о круге его адресатов, было указано в рецензии на I том переписки (ВДИ, 1950, № 1). Во всех трех томах имеются тщательно составленные указатели писем; во-первых, оглавление писем в хронологическом порядке (как они помещены в данном издании) с указанием времени и места написания, во-вторых, оглавление их в порядке латинских рукописей и изданий (по книгам) с указанием соответствующего номера в данном издании. К III тому, кроме того, приложен общий указатель писем. К сожалению, как уже говорилось раньше, римская нумерация, которая была принята Издательством в I томе и которую в дальнейшем, конечно, пельзя было изменить, замедляет нахождение писем, нужных в данный момент.

Ценным приложением к III тому является синхронистическая таблица, которая поможет читателю восстановить в своей памяти основные события истории Рима между 100 и 43 г. до н. э., связать с ними различные периоды жизни Цицерона и проследить изменения в его взглядах и высказываниях.

К III тому приложен также большой указатель собственных имен; он до некоторой степени является и комментарием к письмам, так как в нем приведены не только те места, где данное лицо названо по имени, но и те, где имеются намеки на него; сопоставление этих мест очень интересно.

Однако, наряду с таким тщательным установлением даже косвенных упоминаний о некоторых лицах, сведения, данные о других лицах, напротив, недостаточны: на-

пример, о Публии Сестии (стр. 798) не сказано вообще ничего; ни к одному из перечисленных в указателе мест в примечаниях о нем тоже никаких сведений не дано (следовало, конечно, дать их в I томе к письму 16-му, где имя Сестия впервые появляется, и притом в качестве адресата); а между тем, Публий Сестий сыграл не малую роль в жизни Цицерона, о чем Цицерон весьма многословно повествует в защитительной речи за Сестия в 56 году.

Собственно комментарий, т. е. примечания к отдельным письмам, в III томе выдержан в том же духе, как в первых двух: кое-где было бы желательно уточнение данных: кое-где, напротив, имеются повторения, что, правда, при огромном объеме данного произведения можно считать скорее достоинством, чем недостатком. Греческие цитаты и отдельные слова попрежнему выделены в тексте перевода писем курсивом, а в примечания уже не включены в своей оригинальной форме (как в I и II томах). Это вполне правильно; греческий оригинал может понадобиться только специалисту, имеющему возможность заглянуть в латинский текст и найти там соответствующее греческое слово; для того же, кто будет читать только перевод, греческая цитата и, тем более, отдельное греческое слово не даст ничего.

Разнообразнейшее содержание примечаний и их огромный объем, конечно, не дают возможности оценить их без детального изучения; один случай неувязки текста с примечанием, бросившийся нам в глаза, все же следует отметить: в примечаниях к ряду писем между 595 и 650 (стр. 557—67) речь идет о сочинении Цицерона «Academica». Это название переведено, как «Академики», причем это слово склоняется, как будто дело идет о членах Академии (например, две книги «Академиков»); между тем, в тексте писем [письма 631 (стр. 167), 632 (стр. 168), 634 (стр. 169), 636 (стр. 171)] это же произведение названо в соответствии с текстом оригинала «Академическое», «Академия», «Академическое сочинение» и «Академическое исследование»; сам Цицерон, упоминая о своем сочинении, применяет к нему то греческий, то латинский термин, но всюду подразумевает под ним не л и ц, принадлежащих к Академии, а учение Академии; поэтому перевод названия, данный в примечаниях, неверен.

К III тому приложена карта Цизальпинской и Нарбонской Галлии, пользуясь которой и сопоставляя ее с картой Италии, имеющейся во II томе, читатель может получить ясное представление о театре действий гражданской войны.

Таким образом, перевод снабжен солидным научным аппаратом, который может принести читателю большую пользу. Одно из высказанных нами пожеланий — дать хотя бы краткие сведения о римской магистратуре и судопроизводстве, что было бы очень важно для понимания многих писем Цицерона,— не могло быть выполнено вследствие безвременной смерти крупнейшего специалиста в этой области, проф. Н. А. Машкина, последовавшей во время подготовки III тома писем к печати.

В литературном характере писем, вошедших в III том, и в отражающихся в них настроениях Цицерона заметна сильная разница по сравнению с письмами I и II тома. Писем, написанных в тонах дружеской болтовни, юмора или дающих шуточные бытовые зарисовки, в этом томе почти нет. В последние годы жизни Цицерону было не до шуток — ни политическая ситуация, ни личная жизнь (смерть дочери, два развода, последовавшие почти непосредственно один за другим, денежные затруднения) не давали повода для того, чтобы увеселять себя и друзей: страх за будущее, колебания и неуверенность в завтрашнем дне, кратковременные восторги и вспышки прежнего честолюбия и самохвальства, а более всего раздражение, утомление и разочарование — таковы те чувства, которыми полны письма III тома; немало места занимают также и размышления по поводу политических и военных дел. Многие письма набросаны спешно, в отрывистой, первой манере, переполнены эллиптическими фразами. Передача всех этих оттенков на другом языке чрезвычайно трудна, и раньше, чем перейти к критике перевода, следует напомнить, что перевод В. О. Горенштейна является первым переводом писем на русский язык и что заслуга переводчика перед русским читателем очень значительна. Однако переводчику все же надо поставить в вину то, что он упорно продолжает придерживаться своих позиций буквального, пословного перевода, передко нарушая общий смысл фразы, так сказать, насилием втискивая

в нее не подходящее к ней слово, что ведет подчас к непонятности смысла фразы, а иногда и к нарушению правил русской литературной речи.

Так же, как и в первых двух томах, переводчику лучше всего удается перевод писем, содержащих в себе элементы разговорной, обиходной речи: но так как в этом томе, как было сказано, таких писем немного, то чтение писем рецензируемого тома производит местами довольно неприятное впечатление; читателю, искушенному в вопросах перевода, представляется, что переводчик не только не исправил недостатков, присущих переводу первых двух томов, но даже усугубил их; неискорененный же читатель местами просто не поймет смысла русского текста.

Чтобы этот серьезный упрек, обращенный к переводчику, не был голословным, приведем доказательства. Пример введения в фразу неподходящего слова бросается в глаза в первом же письме (№ 475, стр. 7) III тома. Цицерон, недовольный жизнью в Риме при Цезаре, пишет одному знакомому, Манию Курию, оказавшемуся в это время в Греции, но, повидимому, непричастному к делу помпеянцев:

«Я достигаю другим способом почти того же, чего ты, которому это было можно (лучше бы «возможно»).—М. Г.), достиг п е ш к о м..., а именно «... я удаляюсь в библиотеку». Цицерон хочет сказать, что он уходит в творения греков духовно, так же как Маний переехал в Грецию физически. Русское слово «пешком» (в тексте действительно стоит *pedibus*) слишком конкретно и вызывает недоумение — неужели из Италии в Пелопоннес Маний шел п е ш к о м?

В письме № 573 (стр. 120) Цицерон, недовольный тем, что его сын хочет истратить слишком много денег на путешествие, пишет Аттику, чтобы он урегулировал расходы юноши. «Предложи Цицерону... чтобы он в издержках на это путешествие, который он бы л е г к о у д о в л е т в о р е н, если бы находился в Риме и снимал дом, сообразовался с квартирной платой¹ с Аргилета и Авентина...» Как можно быть «у д о в л е т в о р е н ы м и з д е р ж к а м и»? В оригинале мысль Цицерона ясна: если бы юноша остался в Риме, то ему денег хватило бы вполне, теперь же, раз он путешествует, то пусть укладывается в те суммы, которые ему выплачивает Аттик из платы жильцов в квартирных домах Цицерона. Недоразумение в том, что *facile contentus futurus erat* переведено дословно как «был бы легко удовлетворен» вместо «ему бы за-глаза хватило...»

Совершенно непонятно следующее выражение в письме Цицерона-сына к Тирону «Мне приходило на ум, что для меня большее дело судить о суждении отца» (письмо № 786, стр. 327); выражение «большое дело» употребляется либо в похвальном, либо в ироническом смысле; здесь не подходит ни то, ни другое: в оригинале же написано *grave esse me de iudicio patris iudicare*, т. е. «для меня трудно (быть может, даже «некорошо, неправомерно»).—М. Г.) судить, прав ли мой отец».

Совершенно не подходит перевод латинского *fatale* русским словом «роковое» в письме Кассия к Цицерону (письмо № 900, стр. 468), в котором он осыпает Цицерона похвалами, цитирует его стих о «того, победившей оружие», называет его «величайшим из всех граждан»; в качестве введения к этим похвалам очень странно звучит фраза «Твоей доблести дано что-то роковое, и это мы испытали уже не раз». В русском языке слово «роковое» не предвещает ничего доброго.

Вторым недостатком перевода, на который мы уже обращали внимание в разборе I и II томов, является злоупотребление указательными местоимениями и желание во что бы то ни стало избежать замены их собственным именем лица, подразумеваемого под этим местоимением. Так как русский текст при непрерывном его засорении словами «этот» и « тот» оказывается совершенно непонятным, то переводчику приходится все равно отсылать читателя к примечаниям, а читателю искать соответствующий номер письма и примечания, чтобы найти одно только имя.

Дадим два-три примера. Письмо № 491 (стр. 31): «Ведь я не хочу, чтобы э т о т оказалший мне величайшую услугу, подумал, что я дал Помпею такие советы, что если бы т о т последовал им, то э т о т , хотя и первенствовал бы, все же не имел бы столь

¹ «Сообразоваться с квартирной платой» тоже звучит не по-русски.

большой власти. Я высказал мнение, что следует отправиться в Испанию; если бы т о т сделал так, не было бы гражданской войны. Что касается суждения об отсутствующем, то я бился не столько за то, чтобы было дозволено (что?), сколько за то, чтобы о н о (что?) состоялось». В первой части этого параграфа еще можно понять, что «этот» — Цезарь, а «тот» — Помпей. О чем идет речь во второй части — понять нельзя: примечание поясняет — о заочной кандидатуре Цезаря на выборах в консулы; к чему же относится слово «оно»? Желание избежать введения собственных имен сделало абсолютно непонятным следующее место письма Мунаций Планка (письмо № 915, стр. 490): «Ты знаешь, мой Цицерон,— что касается любви к Цезарю, я твой союзник потому ли, что при близкой дружбе с Цезарем при его жизни для меня было уже неизбежно оберегать и любить с г о; или потому, что он, насколько я мог узнать, отличался большой умеренностью и человечностью, или потому, что ввиду моей столь замечательной дружбы с Цезарем мне кажется позорным не считать е г о сыном э т о г о, поддержанного суждением его и вашим». В оригинале Мунаций называет Цезарем и Октавиана, и Юлия Цезаря; но в латинском языке местоимения «hic», относящиеся к Октавиану, живому, и «ille» — к умершему Юлию Цезарю, дают возможность разобраться в содержании письма; в русском же тексте изобилие местоимений и ссылки на примечания, в которых под № 8 обозначен Октавиан, а под № 11 — Юлий Цезарь, настолько запутывают читателя, что под конец кажется, что в фразе «не считать е г о сыном э т о г о» не Октавиан оказывается сыном Юлия Цезаря, а наоборот; в оригинале же *hunc filii loco et illius et vestro iudicio substitutum non habere...* соотношение вполне ясно.

Буквальная передача латинских эллиптических предложений русскими эллиптическими же предложениями нарушает не смысл речи, ввиду обычной простоты их содержания, а только стиль перевода: таковы, например, фразы: «Я огорчен, что Аттика так долго» (письмо № 502, стр. 46)... стоило ли отсылать читателя к примечанию, разъясняющему, что пропущено слово «больна»? Другие примеры: «Итак, ты — как ты писал — если это не обременит» (письмо № 597, стр. 144 — примечание поясняет — «приезжай»). Или «Кратко твое письмо, я говорю, кратко?... В трех ли строчках Брут мне в настоящее время?» (письмо № 912, стр. 480); содержание настолько ясно, что примечания на этот раз нет, но русская фраза от этого лучше не становится.

Наконец, отвлечемся совсем от латинского текста и попытаемся читать письма III тома, как книги, написанную на русском языке для русского читателя. В самое непродолжительное время мы натолкнемся на следующие выражения, никак не согласующиеся с законами русского литературного языка. «Тот, кто властвует над всем (т. е. Цезарь.— М. Г.) благосклонен к у м а м» (стр. 22); «Нет ничего не счастнее, чем сама п о б е д а» (стр. 26); «мой с о в ет был и в е р ен П о м п е ю, и спасителем...» (стр. 31); «я д о с т и г а ю своего д о с т о и н с т в а» (стр. 82); «Следовало установить доходишки с именем, не в з в а л и в а я на нашего Брута б ольшого бремени уважения» (стр. 166); «Э т о п р и я т и о п олуча ет с я п р и д ейст вую щих лицах д р е в н о с т и» (стр. 171 — речь идет о диалоге на риторические темы «Об ораторе», в котором действующими лицами являются знаменитые римские ораторы II в. до н. э. Красс, М. Антоний (дед триумвира) и другие, перечисляемые здесь же Цицероном); «Я мог быть здесь даже без Спикн... п р и м ен и тельно к несчастью м» (стр. 121); «раз ты просишь меня об этом, отрицая свое намерение использовать наперекор мне власть, какой ты обладаешь; предоставь это мальчику также от меня...» (стр. 242 — речь идет об опеке над сыном убитого Клодия, бывшего в крайне враждебных отношениях с Цицероном; Цицерон заверяет М. Антония, что он не питает к мальчику никакой вражды). Загадочным представляется на первый взгляд содержание следующих двух сентенций: «И если мудрому свойственно лишиться отечества, то бесчувственному свойственно не тосковать по нему» (письмо № 488, стр. 26) и «для мечей свобода велика» (там же, стр. 27). Без латинского текста здесь не обойтись; в нем читаем вполне понятные мысли: *Si sapientis est carere patria, duri non desiderare*, т. е. «Если мудрец и может жить (в смысле «обходиться».— М. Г.) без родины, то (только) жесткий (серд-

цем) не тоскует о ней», и *Magna gladiorum est licentia* — «Мечам (лучше даже «мечу».—*M. Г.*) многое дозволено». Число подобных примеров можно значительно умножить, но несколько небрежное отношение переводчика к литературной обработке своего труда достаточно видно из приведенных образцов.

Попытаемся высказать окончательное суждение о выпущенном в свет большом труде. Несмотря на все его недостатки, всякий читатель и специалист, и неспециалист, должен все же в итоге сказать «спасибо» и Издательству АН ССР, и переводчику. Но нельзя удержаться от того, чтобы не посоветовать переводчику более внимательно прислушаться к словам того мастера языка, над которым он так долго работал и который в своем небольшом труде «О наилучших ораторах» (*De optimo genere oratorum*, гл. 5) так характеризует свою работу над переводом речей Демосфена и Эсхина: «Я переводил их не как истолкователь, а как оратор, такими же предложениями и в таких же формах и как бы в том же обличии, но словами, для нас обычными; мне не было необходимо ходить слово за слово, но я сохранил весь характер слов и их силу (*genus et vim*). Я считал, что мне следует их преподносить читателю, не подсчитывая их, азвешивая. Это золотое правило должно усвоить каждый переводчик, исходя из него, подвергать свой труд строжайшей критике.

M. E. Грабарь-Пассек

**ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В ИЗДАНИЯХ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
(1948—1951 гг.)**

Рост социалистической культуры азербайджанского народа находит свое отражение в научной работе, центры которой сосредоточены в Академии наук Азербайджанской ССР и в Азербайджанском государственном университете им. С. М. Кирова. Большинство научных работ по древней истории, опубликованных в республике в 1948—1951 гг.,— плод исследований научных сотрудников и профессорско-преподавательского состава этих двух научных учреждений. Естественно, что главное внимание историков древнего мира, работающих в Азербайджане, сосредоточено на вопросах истории Азерб. ССР. Это тем более оправдано, что XVIII съезд КП(б) Азербайджана поставил перед историками задачу «разработать такие важнейшие проблемы истории азербайджанского народа, как история Мидии, происхождение азербайджанского народа»¹.

Современный Азербайджан занимает большую часть земель древней кавказской Албании и Мидии Атропатены.

Около десяти районов Азербайджанской ССР располагается на землях Мидии Атропатены, на территории которой в Газаке (Газе) находился один из самых крупных центров зороастрийского культа. Кроме того, есть достаточно оснований как исторических, так и ономастических, считать современных азербайджанцев этногенетически связанными с древнейшими племенами Албании и Мидии Атропатены. Поэтому историки Азербайджана не могли пройти мимо проблем изучения истории Мидии, зороастрийского культа и Авесты. В отчетном обзоре работ АН Аз. ССР за 1947 г. (ИАН Аз. ССР, 1948, № 4, стр. 138) отмечено, что в подготавливаемой «Истории Мидии IX—VI вв. до н. э.» «выясняется вопрос о тождестве мидийского языка со вторым языком трехязычной Бегиступской надписи: рассматриваются этнические наименования мидян и другие исследованные вопросы по древнейшей истории Азербайджана». В исследовании М. А. Ширалиева «Звук *h* в азербайджанском языке» («Труды» Азерб. гос. университета, Серия филологическая, вып. III, Баку, 1949) делается попытка

¹ «Резолюция XVIII съезда КП(б) Азербайджана по отчетному докладу тов. М. Д. Багирова о работе ЦК КП(б) Азербайджана», Баку, 1951, стр. 24.